

Шарапова Светлана Владимировна, Лоайе Жанна, Солдаткин Николай Викторович,
Столярчик Элиза

ПОГРЕБЕНИЯ БРОНЗОВОГО ВЕКА ЮЖНОГО ЗАУРАЛЬЯ (ПАЛЕОПАТОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

В статье представлены материалы раскопок могильника бронзового века в Южном Зауралье, рассматриваются археологический контекст и данные палеопатологического изучения скелетных останков. Используя кросс-культурный анализ, авторы предлагают один из возможных вариантов объяснения феномена многочисленности детских погребений степных культур эпохи бронзы. Благодаря междисциплинарному подходу расширяется круг интерпретационных возможностей для последующих социальных реконструкций.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2016/1/53.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 1 (63). С. 199-203. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2016/1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

ROLE OF LEND-LEASE DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR: MODERN ASSESSMENTS

Shabel'nik Nataliya Vyacheslavovna, Ph. D. in History
Mozhaisky Military Space Academy
dnshdimmm@gmail.com

In the article the role of lend-lease during the Great Patriotic War is considered and the importance of military aid of the allies to the USSR is shown. The author reveals the diversity of views in historical literature on lend-lease issue. In the work the quantity of deliveries and their percentage in the total logistical support of the Soviet army are analyzed. The researcher assesses the quality of the military supplies of the allies to the Soviet Union during the Great Patriotic War.

Key words and phrases: The Great Patriotic War; lend-lease; industry; military supplies; military production.

УДК 903.5+572

Исторические науки и археология

В статье представлены материалы раскопок могильника бронзового века в Южном Зауралье, рассматриваются археологический контекст и данные палеопатологического изучения скелетных останков. Используя кросс-культурный анализ, авторы предлагают один из возможных вариантов объяснения феномена многочисленности детских погребений степных культур эпохи бронзы. Благодаря междисциплинарному подходу расширяется круг интерпретационных возможностей для последующих социальных реконструкций.

Ключевые слова и фразы: Южное Зауралье; бронзовый век; срубная культура / общность; детские погребения; палеопатология; маркеры стресса.

Шарапова Светлана Владимировна, к.и.н.

Институт истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук
svetlanasharapova@rambler.ru

Лоайе Жанна

Королевский университет в Белфасте
jloyer01@qub.ac.uk

Солдаткин Николай Викторович

Институт истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук
niksoldatkin@yandex.ru

Столярчик Элиза

Франкфуртский университет имени Гете
elizus@web.de

**ПОГРЕБЕНИЯ БРОНЗОВОГО ВЕКА ЮЖНОГО ЗАУРАЛЬЯ
(ПАЛЕОПАТОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)[©]**

Не будет преувеличенным утверждение, что современная археология – динамичная дисциплина среди гуманитарных наук, активно «впитывающая» возможности и знания естественнонаучного профиля. Еще в середине 1980-х гг. произошел решительный сдвиг к междисциплинарности проводимых исследований. В археологии, помимо реконструкции окружающей среды и условий жизни древних коллективов, взаимодействие гуманитарных и естественных наук дает осязаемые результаты и в изучении социальных отношений. Между тем, в арсенале исследователей появляется все большее количество разнообразных методов, которые позволяют существенно расширить имеющиеся представления и открыть новые аспекты жизни древнего населения. Одним из активно развивающихся направлений современных исследований является биоархеологический подход, оформившийся в русле палеопатологического направления [16, р. 11]. Палеопатологические данные отчетливо демонстрируют своеобразную взаимосвязь степени развития человеческих сообществ и усиления влияния антропогенных факторов социальной направленности. Изучая различные изменения скелета, можно понять, в каких условиях они появились [3, с. 141-146].

Как известно, для реконструкции древних культур и обществ археологи используют разнообразные данные, полученные как в ходе раскопок поселений и могильников, так и камеральных исследований. Согласно палеодемографическим реконструкциям, дети могли составлять минимум половину всего населения, что было необходимо для простого воспроизводства [12, р. 15-44]. Принимая факт селективного принципа формирования древних

[©] Шарапова С. В., Лоайе Ж., Солдаткин Н. В., Столярчик Э., 2016

могильников [7, с. 137; 9], необходимо подчеркнуть, что «курганная выборка» не может адекватно отражать численность палеопопуляций. К примеру, в курганных могильниках раннего железного века доля детских погребений составляет около 1/3, во многих некрополях эпохи бронзы Южного Зауралья детские погребения представляют около 2/3 тафокомплекса. Полученные в ходе раскопок летом 2015 г. результаты послужили поводом для предварительной публикации материалов со специфичной возрастной структурой одного из таких могильников.

Объектом исследования стал могильник бронзового века Неплюевский (Карталинский район Челябинской области). Памятник располагается в 1,27 км к югу от с. Неплюевка, на правом берегу р. Яндырка – одним из притоков р. Акмулла (бассейн р. Тобол). Могильник открыт И. М. Батаниной по результатам дешифрирования аэрофотоснимков [15, S. 199-306]. На аэрофотоснимке 1957 г. видна пашня, которая в дальнейшем была расширена и, как показали раскопки, разрушила насыпи курганов. На противоположном, левом, берегу р. Акмулла – поселение бронзового века. Следуя топографии расположения поселений и могильников эпохи бронзы, можно допустить их относительную синхронность. В составе некрополя насчитывается тридцать восемь насыпей, из которых были раскопаны две (5-я и 9-я). Оба кургана представляют собой многомогильные комплексы с индивидуальными захоронениями (Табл. 1), оставленные населением срубной культуры-исторической общности. Предварительная датировка по керамике – эпоха поздней бронзы, вероятно, XVII-XV вв. до н.э. [8, с. 144].

Таблица 1.

Погребения могильника Неплюевский. Общие сведения

Курган / погребение	Возраст	Представленность костей скелета	Патологии	Сопроводительный инвентарь
К. 5, п. 1, центральное, ограблено	12-17 лет	Почти полный скелет подростка		Кости крупного рогатого скота
К. 5, п. 2, боковое, не потревожено	2-4 года	Фрагменты черепа, ребер, длинных костей (см. Рис. 1)	<i>Cribra orbitalia</i> , воспаление наружного слухового прохода	1 или 2 сосуда плохой сохранности
К. 5, в насыпи, ограблено	≥ 40 лет	Фрагмент тазовой кости		
К. 9, п. 1а, центральное, не потревожено	1-4 года	Фрагменты черепной коробки, ребер, плечевого пояса, тазовых костей и позвонков		
К. 9, п. 1, центральное, ограблено	3-5 лет	1-й шейный позвонок, фрагмент затылочной кости, зубы, длинные кости		
К. 9, п. 2, боковое, ограблено	1 взрослый и 1 подросток	Фрагменты костей черепа, зубы		
К. 9, п. 3, центральное, не потревожено	Плод ≥ 40 недель или ≤ 1 год	2 фрагмента височных костей	Воспаление наружного слухового прохода (?)	1 сосуд плохой сохранности

Под насыпью курганов были расчищены два (курган 5) и четыре (курган 9) погребения различной степени сохранности. Но, судя по найденным вне контекста костям от двух взрослых индивидов, их количество могло быть больше. В процессе раскопок под слоем сохранившейся насыпи на уровне древней дневной поверхности были расчищены керамические сосуды, количеством от одного до четырех. Горшки были помещены в специально обустроенные ямы с незначительным углублением в подстилающий материковый грунт. Отличительной особенностью кургана 5 и, вероятно, захороненных в нем индивидов, является факт перекрытия этих ям с керамической посудой массивными каменными плитами. Напротив, в кургане 9 плиты накрывали могильные ямы (погребения 2 и 3).

Несмотря на фрагментарность антропологического материала, в ряде случаев удалось провести физиологическую градацию незрелых, которая также принята и в археологической демографии: младенцы (*infancy*, 2-11 мес.), младшие дети (*early childhood*, 1-5 лет), старшие дети / подростки (*later childhood*, 6-11 лет) и юные (*adolescence*, 12-17 лет) [1, с. 12]. Несмотря на то, что преобладание детских погребений выделяет этот могильник среди других, данная традиция характерна для погребальных памятников эпохи бронзы Южного Зауралья. Однако по количеству сопроводительного инвентаря фиксируются некоторые различия: столь скудный набор отличает срубно-алакульские погребения от более ранних синташтинско-петровских, где состав выявленных артефактов гораздо разнообразнее [2; 6, с. 149].

На первый взгляд полученные в ходе раскопок находки невыразительны. В то же время, камеральный анализ скелетных останков из курганов предоставил информацию, которая обычно остается недоступной для большинства неспециалистов в области палеопатологий. Остановимся на одном эпизоде подробнее.

В могиле 2 кургана 5 было расчищено захоронение ребенка, совершенное в яме овальной формы размером 40×60 см, ориентированной по линии ССВ-ЮЮВ (Рис. 1). Погребение было совершено в погребенной почве, углубленной в материковый слой на 6-9 см. Сопроводительный инвентарь представлен керамикой. Все расчищенные костные останки идентифицированы как принадлежащие человеку. Кости разной степени сохранности, от лицевого и грудного отделов, нижних конечностей. Их фрагменты располагались дисперсно: в горизонтальной плоскости на 50 см и почти вплотную приближены к восточной стенке ямы, в вертикальной – на глубину до 10 см. Под керамикой были найдены фрагменты ребра и диафиза плечевой кости. Останки принадлежат ребенку, умершему в возрасте 2-4 лет. Возраст определялся по развитию зубной системы, в частности, по левому нижнему М₁ [17]. В ходе камерального анализа были выявлены индикаторы стресса, связанные со специфическими заболеваниями. К ним относится такой скелетный индикатор, как *cribra orbitalia* – гиперостозные изменения кости в области внутреннего свода орбит. У рассматриваемого индивида дефект наблюдается на обеих глазницах. Кроме того, на левой височной кости обнаружены последствия патологического процесса: заметное увеличение диаметра канала внешнего слухового прохода, вероятно, вследствие перенесенного тяжелого воспалительного заболевания иммунологического или инфекционного характера.

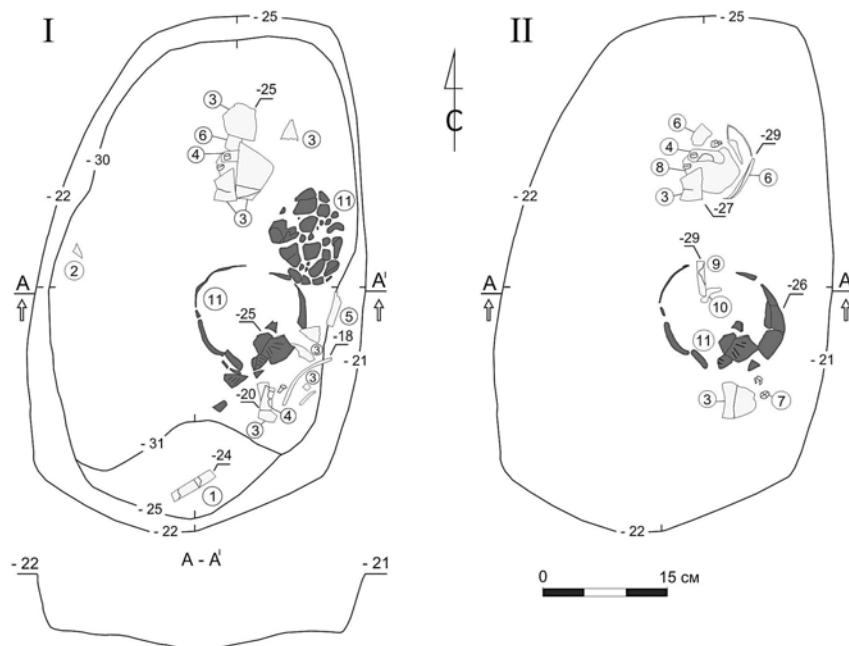

Рис. 1. Могильник Неплюевский, курган 5, погребение 2.

Планы и профиль: 1 – фрагмент берцовой кости; 2 – мелкая кость; 3 – фрагмент черепной коробки; 4 – фрагмент нижней челюсти; 5 – фрагмент бедренной кости; 6 – фрагмент лобной кости; 7 – зуб; 8 – фрагмент височной кости; 9 – фрагмент плечевой кости; 10 – фрагмент ребра; 11 – керамика.
I – верхний уровень фиксации; II – нижний уровень фиксации

Cribra orbitalia сопровождается многими инфекционными заболеваниями, болезнями обмена веществ, крови. Наиболее часто этот признак связывают с анемией. По наблюдениям многих исследователей, наиболее вероятное появление *cribra orbitalia* возможно в раннем детстве и подростковом возрасте [3, с. 211; 4, с. 11]. Сравнительный анализ материалов погребений бронзового века Южного Зауралья на данном этапе затруднителен, поскольку имеющиеся публикации не содержат исчерпывающей информации в плане оценки общего состояния здоровья по маркерам стресса. В такой ситуации кросс-культурный анализ не только наиболее предпочтителен, но и единственно возможен.

Наиболее полновесны результаты палеопатологического исследования серий традиционных ямной, катакомбной и срубной культур на юге Восточной Европы, а также круга каргалинских памятников южной части Приуралья. Случайные находки *cribra orbitalia* свидетельствуют не столько о недостатке питания, сколько о системном заболевании, выделяя население рубежа средней и поздней бронзы от древних популяций периода становления производящего хозяйства. Возможная разница определяется социальными и экономическими вариантами развития [3, с. 88-140].

Некоторые могильники раннего железного века лесостепного Зауралья демонстрируют незначительную встречаемость данной патологии – 1 к 9 (всего под курганом были погребены семь взрослых, один подросток и двое детей, один из которых – ребенок 1-3 лет – имел *cribra orbitalia* средней степени) [10, с. 238].

Данные по кочевым обществам Евразии фиксируют весьма специфические показатели распространенности железодефицитной анемии, преимущественно гендерной направленности. Для II-I тыс. до н.э. самый высокий процент (75%) был зафиксирован у детей, в то время как для взрослых мужчин и женщин он составлял 28,4 и 27,8% соответственно. В могильниках первых веков н.э. наблюдается резкое снижение *cribra orbitalia* в мужских и детских группах (5,3 и 25% соответственно) и рост заболеваемости среди женщин (29,4%) [13, р. 250-254].

Зафиксированная частота распространения *cribra orbitalia* на территории средневековой Руси колеблется в пределах от 0 до 25%. Также была обнаружена географическая зависимость при распространении этого признака. Наиболее низкие значения встречаются на севере Руси, наиболее высокие – на юге, и охватывают почти всю территорию Поднепровья [3, с. 218-244]. Данные палеопатологического изучения средневековых могильников в ряде случаев хорошо согласуются с письменными источниками этого времени, позволяя составить представление о возможных причинах смерти, среди которых главными были болезни, голод и военные нашествия. Нередкой причиной спада численности населения были эпидемии. В исследованных выборках населения Беларуси II тыс. н.э. наибольшая частота встречаемости *cribra orbitalia* наблюдается в самой младшей возрастной группе детей (0-2 года). Изучение связи между наличием *cribra orbitalia* и характером смертности данной популяции показало, что для индивидов с наличием данного дефекта характерно снижение средней ожидаемой продолжительности жизни, особенно в детском возрасте, что подтверждает предположение о серьёзном влиянии анемии на детское здоровье и смертность [4, с. 10-13].

Казалось бы, столь стройная картина вполне подходит и для проецирования на материалы бронзового века Южного Зауралья. Однако здесь видится некоторое противоречие с существующими археологическими данными. Культуры степного пояса эпохи бронзы, по общепринятым археологическим реконструкциям, находились в условиях экономической стабильности или даже в периоде хозяйственного подъема [5]. Согласуется с этим и почти полное отсутствие палеоантропологических признаков ухудшения условий существования рассматриваемого населения [9]. Исходя из этого, рассматриваемый нами частный случай поротического гиперстоза едва ли можно отнести к индикаторам только пищевого стресса и связать с недостаточным питанием. Известно, что развитие анемии может быть свидетельством перенесенного инфекционного процесса.

Применительно к рассматриваемым здесь материалам, косвенным подтверждением может считаться и выявленное у данного индивида патологическое изменение наружного слухового прохода. Очевидно, что погребенный в кургане 5 ребенок имел воспалительные заболевания инфекционного характера. Вопрос о причине, вызвавшей его смерть, далек от своего решения. В то же время, наиболее вероятным регулярным источником инфекционного заболевания на территории распространения круга степных культур бронзового века, исследователи рассматривают скот, а соответствующим антропозоонозом мог быть ящур или близкая к нему болезнь [Там же].

В такой неоднозначной ситуации мы вынуждены констатировать, что рассмотренные здесь детские погребения не являются экстраординарными по сравнению с аналогичными синхронными комплексами. Но в их типичности как раз и заключается своеобразие. Очевидно, что смерть большинства детей, погребенных в курганах, наступала в результате вспышек инфекционного заболевания, однако нами не выявлены коллективные единовременные захоронения, или мы вынуждены допустить, что процесс возведения кургана и совершения всех погребений был одномоментным. Однако курганный обряд рассматриваемых культур эпохи бронзы предполагает, что состав погребальных комплексов не является результатом захоронения всех умерших за определенный временной период, а образуется в процессе привилегированного социального отбора, в сферу действия которого попадало исключительно большое количество детей. Представляется, что связать и объяснить разнообразные факты многочисленности детских погребений может продолжение изучения данной темы с привлечением широкого спектра биоархеологических исследований как уже имеющихся антропологических коллекций, так и материалов данного могильника в частности. Что касается рассмотренной здесь патологии, по мнению А. П. Бужиловой, этот индикатор необходимо использовать в археологических реконструкциях как показатель состояния здоровья в широком смысле слова, не учитывая каких-либо конкретных диагнозов, так как он позволяет говорить в общих чертах о наличии либо отсутствии неблагоприятных факторов на обследуемой территории [3, с. 214].

Достаточно трудно реконструировать все аспекты жизнедеятельности «ископаемой» культуры. Задачи современной археологии во многом сосредоточены на максимально полном воссоздании истории жизни древних обществ, привлекая данные раскопок и последующих лабораторных исследований. Стремление объяснить неслучайный набор фактов или определить причину их возникновения ведет к появлению разнообразных гипотез, одна из которых представлена в настоящей работе.

Список литературы

1. **Алексеев В. П., Дебец Г. Ф.** Краниометрия. Методика антропологических исследований. М., 1964. 128 с.
2. **Берсенева Н. А., Куприянова Е. В.** Детские погребения петровской культуры Южного Зауралья // Этнические взаимодействия на Южном Урале. Челябинск: Челябинский краеведческий музей, 2015. С. 59-61.
3. **Бужилова А. П.** Homo sapiens: история болезни. М.: Языки славянской культуры, 2005. 320 с.
4. **Емельяничик О. А.** Формирование антропологических особенностей населения Беларуси XI-XIX веков (по данным краниологии): автореф. дисс. ... к. биол. н. Минск, 2013. 22 с.
5. **Епимахов А. В.** Анализ долгосрочных тенденций развития экономики и социальной структуры населения Урала эпохи бронзы // Российская археология. 2003. № 1. С. 83-90.
6. **Епимахов А. В.** Ранние комплексные общества севера Центральной Евразии (по материалам могильника Каменный Амбар – 5). Челябинск: Челябинский дом печати, 2005. 191 с.
7. **Культура зауральских скотоводов на рубеже эр: Гаевский могильник саргатской общности:** антропологическое исследование / под общ. ред. Л. Н. Коряковой, М. И. Дэйр. Екатеринбург, 1997. 180 с.
8. **Молодин В. И., Епимахов А. В., Марченко Ж. В.** Радиоуглеродная хронология культур эпохи бронзы Урала и юга Западной Сибири: принципы и подходы, достижения и проблемы // Вестник НГУ. Сер. История, филология. 2014. Т. 13. Вып. 3. Археология и этнография. С. 136-167.

9. Ражев Д. И., Епимахов А. В. Феномен многочисленности детских погребений в могильниках эпохи бронзы // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2005. Вып. 5. С. 107-113.
10. Среда, культура и общество лесостепного Зауралья во второй половине I тыс. до н.э.: по материалам Павлиновского археологического комплекса. Екатеринбург – Сургут: Магеллан, 2009. 298 с.
11. Agarwal S. C., Glencross D. F. (eds.). Social Bioarchaeology. Oxford, 2011. 449 p.
12. Chamberlain A. Demography in Archaeology. Cambridge, 2006. 235 p.
13. Cohen M. N., Crane-Kramer G. M. M. (eds.). Ancient Health: Skeletal Indicators of Agricultural and Economic Intensification. Gainesville – Tallahassee – Tampa – Boca Raton, 2007. 464 p.
14. Duda H. The Archaeology of the Dead: Lectures in Archeoethnology / translated into English by A. M. Cipriani. Oxford, 2009. 158 p.
15. Krause R., Korjakova L. (Hrsg.). Zwischen Tradition und Innovation. Studien zur Bronzezeit im Trans-Ural (Russische Föderation). Bonn, 2014. 467 S.
16. Larsen C. S. Bioarchaeology: Interpreting Behaviour from the Human Skeleton. Cambridge, 1997. 462 p.
17. Ubelaker D. H. Human Skeletal Remains: Excavation, Analysis, Interpretation. Taraxacum, 1989. 172 p.

BRONZE AGE BURIALS OF SOUTHERN TRANS-URAL REGION (PALEOPATHOLOGICAL ASPECT)

Sharapova Svetlana Vladimirovna, Ph. D. in History

Institute of History and Archeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences
svetlanasharapova@rambler.ru

Jeanna Loyer

Queen's University Belfast
jloyer01@qub.ac.uk

Soldatkin Nikolai Viktorovich

Institute of History and Archeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences
niksoldatkin@yandex.ru

Stolarczyk Eliza

Goethe University of Frankfurt
elizus@web.de

The article presents the findings of the excavations of the Bronze Age burial in the Southern Trans-Ural Region, examines the archeological context and data of the paleopathological studies of the skeletal remains. Relying on cross-cultural analysis the authors propose one of the possible explanations of the phenomenon of the multiplicity of children's burials of the Bronze Age steppe cultures. Due to interdisciplinary approach the paper broadens the range of interpretative possibilities for subsequent social reconstructions.

Key words and phrases: Southern Trans-Ural Region; the Bronze Age; timber-grave culture / community; children's burials; paleopathology; stress markers.

УДК 130.2(045)

Философские науки

В статье рассматриваются категории «вторая природа» и «культурный ландшафт» в рамках философских исследований, ставится вопрос о необходимости их одновременного применения. Предпринимается попытка сравнения этих понятий, делается акцент на выявлении их различий с использованием традиционного выделения в концепции культурного ландшафта культурологического и географического направлений. Делается вывод, что указанные категории в первом подходе могут рассматриваться как взаимодополняющие, во втором – как идентичные.

Ключевые слова и фразы: вторая природа; культурный ландшафт; культурное пространство; культура; техника.

Шишкина Анастасия Андреевна, к. филос. н.

Ижевский государственный технический университет имени М. Т. Калашиникова
philosoph@istu.ru

«ВТОРАЯ ПРИРОДА» И «КУЛЬТУРНЫЙ ЛАНДШАФТ» КАК ФИЛОСОФСКИЕ КАТЕГОРИИ[©]

«Вторая природа» и «культурный ландшафт» прочно вошли в повседневный и научный лексикон современного человека, проявляя сущностные характеристики его бытия: свободный выбор, коммуникацию, творчество и стремление к самореализации.